

Кирилл Еськов
Михаил Харитонов

Rossija (reload game)

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Е87

Еськов К., Харитонов М.

Е87 Rossiija (reload game) / К. Еськов, М. Харитонов — М.:
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 672 с.

ISBN 978-5-521-90876-9

Да уж, задали критикам задачку Константин Крылов (Михаил Харитонов) с Кириллом Еськовым! Что это? Альтернативная история? Киберпанк? Шпионский роман? Злая политическая сатира? Страшилка про вампиров? Откровенный литературный стёб? Или (чем чёрт не шутит!) утопия? Предвижу восторг и возмущение читателей. Равнодушие как-то, знаете, не предвижу.

Евгений Лукин

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90876-9

© Еськов Кирилл, текст, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2022

*Историческое повествование в жанре контрреализма
в 5 частях, 40 главах и 11 документах
(негарантированной подлинности),
с Прологом (он же Опенинг) и Эпилогом (он же Эндинг),
а также «учетными карточками» стран и героев,
долженствующими пробить читателя на ностальгию
по культовой игре «Empire: Total War» достославной
компании Sega,
каковая компания уклонилась от оплаты сего
продакт-плейсмента, но зато и не рискует теперь
стать соотвечником авторов по искам к ним
за срывание всех и всяческих масок и оскорбление всех
и всяческих чувств*

*Цель моя была передать только колорит той эпохи
[цикл баллад о домонгольской Руси — авт.], а, главное,
заявить нашу общность в то время с остальной Евро-
пой, назло московским русопетам, избравшим самый
подлый из наших периодов, период московский, предста-
вителем русского духа и русского элемента: «И вот, на-
глотавшись татарщины всласть, вы Русью ее назове-
те!» Вот что меня возмущает, и вот против чего
я ратую.*

А.К. Толстой письмо М.М. Стасюлевичу
от 10.03.1869

*Карамзина иногда считают основателем концепции
“двух Иванов” — мудрого государственного мужа в пер-
вой половине своего царствования и тирана — во вто-
рой. Пожалуй, для широкой публики именно Карамзин
сделал эту концепцию привычной. Однако родилась она
задолго до XIX века. У ее истоков стоял еще князь Курб-
ский. <...> Такая позиция Курбского понятна: как бы
иначе он мог объяснить своим читателям, почему он*

столько лет верой и правдой служил такому извергу и тирану? Представление о внезапном изменении характера царя Ивана характерно и для исторических сочинений, появившихся в начале XVII века, в первые годы правления династии Романовых.

В.Б. Кобрин «Иван Грозный»

...Такую, знаете, альтернативную историю, которую потом можно было бы постепенно положить на место настоящей в целях борьбы с ее искажением.

Виктор Пелевин «Т»

ПРОЛОГ (ОПЕНИНГ, ОР)

*Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.*

*В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични кромешина тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец, звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов.*

А.К.Толстой «Василий Шибанов»

*You have to make the good out of the bad be-
cause that is all you have got to make it out of.*

*Ты должен сделать добро из зла, потому
что его больше не из чего сделать.*

Роберт Пенн Уоррен «Вся королевская рать»

*От сотворения мира лето 7061, ноября месяца, день
шестой;
По исчислению папы Франциска 16 ноября 1552-го.
Ливония, Рига. Резиденция ландмейстера Тевтонского
ордена.
Около полуночи.*

Царь умирал. Да, собственно, почитай и умер уже — ибо обряд соборования над ним свершили. Ранение, полученное

царем-главкомом две недели назад при штурме Риги, победно увенчавшем блицкриг Ливонского похода, поначалу казалось не слишком серьезным — а вишь как оно обернулось... Рана загнила; премудрые немецкие лекари называли это красивым латинским словом «сепсис». Эх, мать честна — руку-то надо было сразу отнимать, вместо чтоб в латыни упражняться да примочки ставить! Истинно, истинно говорено: «Врачи-вредители»...

Итоги царствования своего Иоанн для себя уже подвел, и были они неутешительны: так ничего толком и не успел. Реформы только-только оперились и на крыло встали — а теперь, без него, пересобачатся они там, в Москве, всей своей Избранной Радой, ну и опять увязнет всё в боярском болоте. Да и Ливонию с Морем-Балтикой, что он им преподнес на блюде, всё равно ведь, небось, не удержат по той сваре...

А ведь как хорошо всё шло! И всего и делов-то там оставалось — дать не торопясь еще пару пушечных залпов по бойницам Северного бастиона, стрелков до конца уж повибить, прежде чем лезть в пролом. Поспешишь — людей на смешишь, ага; вот и посмеемся теперь всей державою...

А ведь были *знаки* в то утро — да какие! И ворон на навершье шатра царского сел — согнать не могли. И кубок веницийского стекла сам собою в руке треснул. Нет же, всё презрел! А вот если бы... — эх, да к чему теперь все эти «если бы да кабы». Правильно Сильвестр поучал: «Высшие Силы челобитных с оправданиями не принимают». Но, может, хотя бы выслушают? Ох, только бы мытарства пройти и предстать перед Самим — а там уж он как-нибудь объяснится! Царь Небесный ведь тоже царь, должен *войти в положение*...

По потолку царской опочивальни меж тем *медленно поспешал* оставшийся от прежних хозяев ливонский клоп.

Как это свойственно паразитам, клоп отличался широтой взглядов и свободой от предрассудков. Архитектурная дисгармония, возникшая от поспешной переделки бывшей рыцарской трапезной в опочивальню, его нисколько не занимала. Сырость, духота и чад от факелов в заржавелых стальных скобах оставляли его равнодушным. Еще менее его интересовали национальность, вероисповедание, классовая

принадлежность и сексуальная ориентация намеченной жертвы, на лицо которой он нацелился уже спикировать с творящегося в сумраке потолка. Ну, царь — и чо? Будь у клопа чуток побольше нейронов в надглоточном ганглии, он, возможно, сумел бы даже дорефлексироваться до осознания себя «эгалитаристом». Тех же нейронов, что наличествовали, вполне хватало, чтоб понять: надо поторапливаться, пока клиент не окоцурился и кровушка не застыла.

— Иван Васильевич, вы как там, в целом? Готовы к *разговору*?

Царь вздрогнул и медленно открыл глаза, приподнявшись на перинах огромной *трофейной* кровати (никуда, кроме трапезной, та не влезала).

Картина, представшая перед ним, была поистине удивительной. Нет, зала осталась той же самой: низкий сводчатый потолок, крохотные тёмные оконца-бойницы. Камень и морёный дуб — очень *рыцарственно*, ландмейстер Ордена явно презирал пошлую роскошь. Однако сейчас всё это угрюмое пространство озарял синеватый призрачный свет, исходящий неведомо откуда.

Соратники, собравшиеся в сей полуночный час у скорбно-го ложа Государя, как видно, дружно отпрянули, застыв безмолвным частоколом серых теней за границей светового круга. Отсюда было различимо лишь *лицо, окаймленное действительно огненной бородой, лицо Малюты Скуратова*, да блеск облачения соборовавшего его перед тем архимандрита Филиппа (а этот-то откуда здесь взялся?). А в самом центре, в освобождённом пространстве, возникло низкое кресло, в котором расположился коротко стриженный худощавый брюнет в одеждах невиданного покроя. Который и задал вопрос.

Государь собрался с мыслями, и это далось ему на удивление легко. Чувствовал он себя превосходно — из чего следовало, что он уже умер; безболезненно, даже сам того не заметив.

Первым делом — проверить свою память. Так... Согласно Православному учению, сейчас должны начаться воздушные мытарства. Бесы будут обличать его во грехах, а два ангела — защищать. При этом грехи, в которых он исповедовался, — не испытуются! А вот грехи забытые, не-

раскайнные, а также всяческий *зашквар по незнанке* ему сейчас как раз и *предъявят...* Кстати, а где ангелы-то?

— К *разговору* не готов, требую присутствия ангела-хранителя, — твердо сказал Иоанн.

Брюнет оглядел царя с интересом.

— Ангела требуете? А я, по-вашему, кто?

— Бес, вестимо, — ляпнул царь и тут же подумал, что зря он это сказал. Лучше б он назвал незнакомца «демоном», это как-то уважительнее. Глупо настраивать нечистого против себя — тем более беспричинно. Так-то он на службе, а вот если в дело вмешается *личное...*

Чужой, однако, только усмехнулся.

— Ну чего ж вот так, сразу, бес-то? По вашим здешним понятиям я как раз скорее серафим... или даже выше бери — архангел!

Странно: *чужой* говорил вроде как и по-русски, но явно не по-нашему. Иоанн, однако, понимал его превосходно, да и сам, оказывается, изъяснялся на том *чужом* языке без малейшего напряжения. «Архангел» мгновенно наделил его талантами толмача? Гм...

— Да вот, не желаете ль удостовериться собственными глазами? — с этими словами *чужой* легко поднялся из своего кресла и шагнул к молчаливой шеренге царёвых соратников. И лишь тут Иоанн сообразил, приглядевшись: а ведь, похоже, всё еще *чудесатее*, чем мнилось ему по первости. Свита не просто застыла в полной неподвижности, с выражением испуганного изумления на лицах: нет, все они реально окаменели, обратясь в подобия латинянских мраморных статуй. Мало того: архимандритов служка выронил в испуге чашу с фряжским вином, употребленную перед тем для последнего причастия — и чаша та недвижимо зависла в воздухе, потянув за собой недвижимую же гроздь пролившихся рубиновых капель... А из глубин Иоаннова сознания всплыло меж тем неведомо откуда взявшееся слово «стоп-кадр».

Чужой тем временем деловито подошел к архимандриту («статue архимандрита»?..), осторожно извлек из рук его сосуд и вновь обратился к своему царственному собеседнику:

— Вот, глядите: святая вода... сертифицированная, можно сказать, — и с этими словами вылил на себя толику оной, осенившись при том крестным знамением. — Как видите, чудеса я творю — какие вам тут и не снились, а крест животворящий и святая вода не вредят мне, между тем, нисколько. Равно как и серебро, — тут он пару-тройку секунд подержал на ладони серебряный наперсный крест архимандрита. — Ну как, убедительно?

— Да уж, — пришлось согласиться Иоанну, — убедительно, что тут скажешь... Так на каком я свете — на том или на этом?

— На этом, — успокоил гость, — но, если так можно выразиться, *условно* на этом... Клиническая смерть уже зафиксирована, и в небытие вы окончательно уйдете через считанные минуты... Или произойдет ваше чудесное исцеление. Это уж — как сговоримся.

Царь напрягся. Может, всё-таки — не ангел? Или — ангел, но *проверяет*?

— «Как сговоримся»? Бессмертной душой не торгую, — Иоанн постарался сказать это так, чтобы голос не дрогнул. Почти получилось.

— Господь с вами, Иван Васильевич, — поморщился гость, — на кой мне сдалась ваша душа? Прямо скажем, довольно таксебейных достоинств...

— Тогда что? — не понял царь.

— Видите ли, какое дело... Душевные качества у вас и впрямь не ахти. Но вот ум и воля — это есть. Из вас мог бы со временем выйти весьма толковый глава государства. Не то чтобы на отлично, но где-то на твердую четверку.

Иоанн промолчал. Так-то он был с архангелом вполне согласен, но не был уверен, что тот его не *разводит на гордыньку*.

— А я, извольте ли видеть, взялся играть за Гардарику на пятом уровне сложности. И персонами ваших достоинств — а ведь АИ генерирует их случайным образом, невоспроизводимо! — разбрасываться не приходится...

— Ничего не понял, — честно признал Иоанн.

— Гардарика — «Страна городов», — чуть свысока пояснил гость. — Так европейцы величали до-татарскую Русь. Уровень сложности высоковат, но ведь и государство там было — одно из самых приличных в Европе для своего времени! «Гаральд в боевое садится седло, он Киев оставил державный», «Ярославна — королева Франции» — *вот это вот всё...*

— Да не о том я! Что это значит — «Играю за Гардарику»?

— *Это с какой стороны посмотреть.* Для вашего понимания — ну, стараюсь всячески, чтоб *эта страна* развивалась и процветала. Чтоб жила в мире, а если уж случится воевать — чтоб воевали *не числом, а умением*, желательно — *малой кровью и на чужой территории*. Чтоб народишко был сыт и здоров, а по возможности еще и грамотен. Чтоб купцы богатели, творцы — творили, а Власть занималась не только казнокрадством и интриганским самопожиранием...

— А как же про спасение души, и всё в этом роде? — вкрадчиво осведомился царь.

— Не, вот это уж вы как-нибудь — сами! В эти вопросы я не вмешиваюсь. Или вам тут что — дарованная Господом свобода воли надоела?

— Погодь... Так ты, выходит, вроде как наш русский ангел-хранитель? — догадался вдруг Иоанн.

— Ну, можно, наверно, выразиться и так... — с некоторым сомнением в голосе согласился тот.

— Что-то хреновато у тебя выходит, — царь почувствовал себя увереннее: речь зашла о знакомых ему предметах.

— Не тыкай, — огрызнулся архангел. — Забыл, с кем разговариваешь?

— А что не так? — не понял царь. — Скажи тогда, как величать.

— Тьфу ты, запомятовал! Вы же тут еще до Табели о рангах не доросли, вежливого «вы» не заимствовали... Ладно, будь по твоему: говори как привык. А насчет хреновато, так ведь сложность-то — пятый уровень!

Чуткое ухо царя уловило тут в голосе *чужого* какую-то странную нотку — не то оправдывающуюся, не то горделивую.